

И стоки литовской резистенции берут свое начало еще в годы войны. Весной 1944 года немцы ликвидировали военное Местное соединение, в которое входило около 12 тысяч человек. Из них 3,5 тысячи были вывезены в Германию, а остальные, взяв с собой оружие, разбрелись по домам. Осенью того же года большинство из них объединилось в различные партизанские отряды, которые новая власть с приходом Красной Армии сразу же зачислила в разряд врагов и антисоветских элементов.

Перед этими отрядами ставилась задача - ни много ни мало - остановить у границ Литвы наступающую Красную Армию. Политики, выдвигавшие столь смелые - если не авантюристические - планы, в полном составе летом 1944 года сбежали на Запад. По словам участника послевоенной резистенции Л. Дамбраускаса, «вожди спаслись, а команда тонущего корабля была вверена воле судьбы».

И все же с приближением Красной Армии в Литве стали гораздо более трезво оценивать ситуацию и свои возможности. Член Главного Комитета Освобождения Литвы (ВЛИК), основанного в 1943 году, П. Шилас писал: «Перед тем, как Красная Армия заняла Вильнюс (13 июля - Л. Т.), на моей квартире на совещание собрались остатки ВЛИКА - К, Белинис, А, Гинейтис и я. Было ясно, что Советский Союз во второй раз оккупирует Литву. Мы понимали, что вооруженное сопротивление наступающей огромной армии было бы бессмысленным кровопролитием. Поэтому мы незамедлительно написали обращение к литовскому народу, призывая не оказывать вооруженное сопротивление Красной Армии и перейти к пассивному сопротивлению, противиться мобилизации в армию, скрываться до окончания войны...». После того, как Красная Армия 1 августа заняла Каунас, Шилас и Гинейтис от имени ВЛИКА вновь обратились к литовскому народу: «...Призываем сохранять спокойствие, избежать любых вооруженных столкновений с частями Красной Армии!»

Осенью 1944 года Шилас послал связанного к командиру «Кестшиса» (вооруженное формирование, созданное еще в годы немецкой оккупации) полковнику Янкаускасу. «Я просил его не ввязываться в вооруженную борьбу с силами НКВД..., предупредил о бесполезности жертв. Мне тогда казалось, что активное вооруженное сопротивление является ущербным и бессмысленным», - вспоминает Шилас. Подобной точки зрения придерживалась и такая влиятельная политическая организация, как Совет освобождения Литвы (ЛИТ), созданный в конце 1944 года в Каунасе. Она считала одной из главных задач «физическую и моральную сохранность людей». Лозунг: «В лес, аукштайтйцы, в лес, жемайтйцы, в лес, вся Литва!», по их мнению, следовало поменять на лозунг «Сохраним свою молодость для будущего Родины!»

Однако кровопролития избежать не удалось. Уже осенью 1944 года партизанские отряды начали сражаться с частями НКВД, причем в ряде мест проходили настоящие крупномасштабные бои с большими потерями с обеих сторон. В то время по всей Литве в лесах концентрировались крупные партизанские подразделения. Общая численность бойцов, по некото-

рым источникам, уже весной 1945 года достигала 30 тысяч человек, а в отдельных отрядах число партизан доходило до нескольких сотен. В больших лесных массивах действовала даже кавалерия. Литовская армия свободы (ЛЛА) - военная организация, образованная еще в годы немецкой оккупации во ВЛИКе своего представителя не имела. Ее руководство действовало самостоятельно, не придерживаясь генеральной тактики ВЛИКА, ориентированной на пассивное сопротивление. К тому же ЛЛА в 1944 году стала сотрудничать с вермахтом и послала в немецкие школы, готовившие разведчиков, радистов и диверсантов, несколько сотен человек. Уже в следующем году, зимой, они самолетом были заброшены в Литву и рассредоточены по обширной территории. Эти парашютисты также включились в партизанскую борьбу и выполняли в большей степени не приказы Берлина, а местного партизанского руководства. А с вермахтом сотрудничали постольку, поскольку это было выгодно партизанскому движению. Они-то и стали наиболее мобильной и готовой к решительным действиям партизанской силой, хорошо вооруженной и подготовленной. Впоследствии они разделились в широком партизанском движении.

Состав отрядов, дислоцировавшихся в литовских лесах, не был постоянным. Одни уходили из леса, погибали, их арестовывали, другие приходили им на смену - словом, в среднем, как подсчитано, продолжительность пребывания в отряде составляла лишь около 2 лет. Лишь немногие прошли весь десятилетний путь борьбы, однако в конечном итоге и они были схвачены, посажены в тюрьмы или расстреляны. В целом в послевоенные годы партизанило или скрывалось в лесах около 70-80 тысяч человек.

Социальный состав отрядов и соединений был самым разным: рабочие и крестьяне, служащие и офицеры Литовской Армии, студенты и учащиеся. Были в отрядах и священники - капелланы. И все же главная кузница партизанских кадров находилась в крестьянской среде, которая составляла 4/5 всех жителей тогдашней Литвы. Причем настоящим партизанским краем стала южная Литва, Дзукия, где издавна проживали более бедные слои крестьянства, нежели, скажем, в средней и северной Литве, жившей зажиточно. Это обстоятельство подрывает тезис о том, что основная причина борьбы коренится в «черных кулацких замыслах», в стремлении к оружию в руках отстоять свое добро, якобы нажитое путем эксплуатации чужого труда. Вот статистика: из 4800 крестьянских семей, высланных из Литвы в 1944-1947 гг. за то, что члены их семей ушли в лес, 27% владели землей менее, чем в 10 га, 30% - от 10 до 20 га и лишь 8% - более, чем 50 га.

Партизанские отряды, как правило, были хорошо вооружены - как оружием немецкого производства, так и советского. Большинство бойцов, особенно в начальный период движения, носили военную форму литовской армии, которая существовала в Литве при Сметоне. Поначалу в лесах преобладали крупные соединения со своими штабами, четкими границами боевых действий. Проходили партизанские совещания, сборы. Так, летом 1946 г. состоялось первое крупное совещание командиров партизанских округов

РЕЗИСТЕНЦИЯ... В СЛОВАРЯХ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ ЭТО ПОНЯТИЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ РЕДКО. ПРОИЗНЕСЕННОЕ 23 ИЮНЯ 1940 ГОДА В ЛОНДОНЕ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ГОЛЛЕМ, ЭТО СЛОВО ВПОСЛЕДСТВИИ ПРОЗВУЧАЛО НА ВЕСЬ МИР. РЕЗИСТЕНЦИЯ - ЭТО СОПРОТИВЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОККУПИРОВАННОГО КРАЯ ЗАВОЕВАТЕЛЯМ, ВЫРАЖЕНИЕ ВОЛИ ПОВЕРЖЕННОГО НАРОДА, ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ ЗАЩИТИТЬ СВОЮ СВОБОДУ. СЕГОДНЯ ЭТО СЛОВО ПОСЛЕ ДОЛГИХ ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ Вновь ВЫПУЩЕНО В ЛИТВЕ НА ВОЛЮ.

Литвы. Был образован Главный штаб вооруженных сил (ВГГШ) с центром в Вильнюсе. Он подготавливал различного рода инструкции, приказы, распоряжения, сотрудничал с Объединенным Демократическим движением сопротивления (БДПС), который ранее создали литовские интеллигенты, преподававшие на руководящем партизанском движении. Однако спустя время выяснилось, что один из активных членов БДПС является агентом МГБ по кличке Эрялис (Орел), что скомпрометировало организацию. Им, кстати, оказался профессор Вильнюсского университета медик Ю. Маркулис, выдавший не мало партизан и их командиров. В 1949 году состоялось последнее совещание, на котором было решено реорганизовать БДПС в Движение борцов за свободу Литвы (КЛЛС), но она была формальной организацией и в сущности ничем себя не проявила.

Таким образом, движение сопротивления все больше втягивалось в вооруженную борьбу и обрело характер насильственных действий. В конце 1944 года были арестованы оставшиеся в Литве члены ВЛИКА, а в апреле 1945-го - и ЛИТА, т. е. сторонники идей гражданского неповиновения и пассивного сопротивления. Без политического руководства, в изолированной от мира Литве, как расценивал ситуацию Л. Дамбраускас, «всем казалось, что вооруженный отпор самый эффективный и самый почетный способ борьбы».

Ответственность за подобный сценарий, который стал раскручиваться по кровавой фабуле, ни в коем случае нельзя снимать с тех, кто железной сталинской рукой устанавливал в Литве советский строй. Почему люди уходили в леса? Зачастую их на-

силственно лишали возможности выбора. Зверства НКВД, расстрелы беглецов от мобилизации в армию, массовые высылки и аресты - все это заставляло многих жителей Литвы обращать свой взор в сторону леса. Вот что вспоминает А. Раманаускас, командир партизан Южного округа по кличке Ванагас (Ястреб): «Жил в курортном районе Алитуса - улице Вайжгантаса. Каждый день, идя по проспекту Басановичуса на работу и с работы, видел опутанные проволокой огромные подвалы, в которых содержались заключенные литовцы. На всех улицах города в частных домах наиболее вместительные подвалы также были превращены в тюрьмы... Ночью происходили допросы и заключенных куда-то тайно вывозили... Много раз видел, как окруженных отрядом МВД истребителей, с завязанными проволокой за спиной руками мужчин гнали по улице к этим подвалам... Все это и целый ряд других событий... на меня необыкновенное подействовало... я стал неприимным врагом коммунизма. Выбор, как видим, был небогат: Сибирь, сотрудничество с НКВД, отсиживание в кустах или лес».

Впрочем, Литва уже прошла урок сталинской «демократии». 14 июня 1941 года, за неделю до начала Великой Отечественной войны, прошла первая массовая депортация населения республике. И первые же послевоенные высылки живо напомнили об уроке трехлетней давности. Семь раз в массовом порядке из Литвы высылали людей (1944, 1945, 1946, 1947, 1948, 1949 (дважды)). После каждой такой акции происходило столь же массовое пополнение партизанских рядов. «Если умирать, то лучше за Родину, у родного дома», - так рассуждали многие в Литве.

Нельзя не учитывать, что в послевоенной Литве основные руководящие посты занимали представители некоренной национальности, присланные в Литву из СССР. Так, в начале 1946 года в органах власти литовцы составляли всего 35%. А в Компартии Литвы - и того меньше. На начало 1948 года в рядах КПЛ их насчитывалось всего 18,5% от всех членов партии. Понятно, что «импортные» кадры стремились как можно быстрее (надо было отчитываться!) все переделать на советский лад. Любое недовольство форсированными темпами большевизации сразу же расценивалось как проявление национализма, клерикализма и буржуазного классового сознания. Под вывеской борьбы с этими «проявлениями» происходили аресты, высылки, расстрелы, сжигались «буржуазные» книги, рушились памятники - символы независимой Литвы, закрывались костелы. Везде, куда бы ни ткнулся тот же крестьянин, он сталкивался с чужой властью, чужим языком, чужим духом.

В стихийном выборе вооруженного способа сопротивления сыграл свою роль и феномен веры в поддержку Запада. И крестьяне, и интеллигенция, и партизаны свято верили, что «за граница нам поможет», что «долго так продолжаться не может». Надежда на помощь западных государств основывалась на непризнании аннексии Литвы в 1940 году. Они-де, считалось, не оставят Литву в беде и заставят Москву вывести свои войска. Не только интеллигенты, но и большинство крестьянских слоев знали об Атлантической хартии, в которой объявлялось о необходимости возвращения суверенитета поработенным народам. Но откуда людям было знать, что У. Черчилль уже уступил давлению Москвы и признал ее права на Литву еще в декабре 1942 года, а в 1943 году в Тегеране то же самое проделал и Ф. Рузвельт? И это несмотря на то, что формально так и не была признана юридически состоятельной аннексия Литвы в 1940 году. За все время после второй мировой войны западные страны так и не нашли возможность восстановить поправную историческую справедливость. Они не посчитали нужным поднять балтийский вопрос в Организации Объединенных Наций, хотя из-за этого вряд ли возник бы новый очаг войны. Даже папа Римский Пий XII в 1948 году не ответил на письмо литовских партизан. Таковы двуличность политиков и особенности политической игры...

(Продолжение в след. №)

Людас ТРУСКА,
кандидат исторических наук,
(Вильнюс)

Як Бог до пекла сходив

Бог натішився садами райськими, всіміхнувся вкусив яблуко червоне, трішки поперхнувся ти диви яке кислюче, та ще й червиве розлютився не до жартів дощі пішли зливи

Заспокоїли його ангели крилаті ляжте Отче відпочиньте втомилися з дороги положили на перетини ще й помили ноги рано вранці світ весь спав сонце не вставало

Бог прокинувся спитнів в думку щось запало чи не варто це мені Володарю світу з перевіркою у пекло до чортів сходити

Відімкнув старий замок затріщали брами два чорти стоять похмурі Батька не признали не встиг він і запитати «як вам тут живеться?» як із темного кутка бісєня несеться

Довгий хвіст, телячі вуха ось новенькі, - Отче душі мій не б'ємо тут баклуші геть працюємо в три поти повно-повно тут роботи

То кого сьогодні вариш бісова душа? Запитав Бог зненацька глянув на ковша два котли чугунні чорні булькає вода зараз буду я варити хохла і жиди

Ваша милість не хвилюйтесь варити вмію подивіться на хохлів он як червоніють за українцями мій друже можеш не дивитись вони зваряться і так не треба журитись

Ваша світлість як це так? Треба поглядати помовчи хвилинку дурно будеш потім знати правду Божа он один лізе із ковша двоє ноги ухопили Ваню ти куда?

За євреями красунчик пильно поглядай якщо вилізе Абрам іншого чекай подасть руку другому утечуть у рай отоді свиняча пико часу не втрачай стара істина як світ це запам'ятай і пильніше подивляйся та охороняй...

Руслан БІЛЕЦЬКИЙ

Суспільству для успішного розвитку й розбудови власної держави потрібні історичні приклади патріотизму і самодержавності. Україна має цілу низку таких прикладів, їх кількість постійно зростає, бо нація існує, її історія продовжується.

ХРЕСНА ДОРОГА

(Продовження. Початок у №39) По приїзду розподілили на роботу в шосту шахту. Почалося інше важкоуявне життя. Начальниками дільниць в основному були переселенці німецького походження із Поволжя. За найменше непорозуміння вони нас нещадно катували - вислужувалися перед начальством НКВД.

Час минав, нас лишалося все менше. Далека Воркута, тундра масою забирали патріотів-українців, які знаходили свій спокій у вічній мерзлоті і пригірських болотах. Україна не знала про наше табірне життя. Про це писати в листах було заборонено. Та й сьогодні знаходяться ще люди, які не вірять в цю гірку правду.

Після двох років рабства на шостій шахті, нас - 200 чоловік - відправили етапом на Урал у Пермську область в місто Чусова. Там ми потрапили на вирубку і вивіз лісу. Нас запрягали у великі сани, що возили колоди або готові дошки на станцію. Люди не витримували. Щодня за прохідну витягували у мішках виснажені тіла. Нанесли контрольні удари молотками по головах: може хто прикинувся мертвим.

Тут я попрацював два роки. Після цього нас відправили у Красноярський край, а потім у Норильськ. Там, у Заполяр'ї, ми працювали на фабриці - виділяли із руди нікель, бронзу і золото. На цьому виробництві нами керували бригадири із засуджених злочинців, убивць, котрі нас також нещадно били. Але ми вижили.

Через рік усіх, хто брав участь у визвольних змаганнях - литовців, латишів, українців - відправили у спецтабір працювати на цегельному та цементному заводах. Називався цей табір: 25-й каторжний. Чому каторжний? Та тому, що усі тут були засуджені на 15-20 років каторги.

У 1953 році в нашому таборі спалахнуло велике повстання. Жорстокій тиранії підходив кінець. На початку червня нас зняли з роботи і посілили в тюремний режим. Годували нас всіх майже два місяці штрафними пайками. Через це у багатьох виникла куряча сліпота. Однак, в'язні вже перестали боятися. Одного дня люди кинулися на огорожу тюремного ізолятора, оскільки звідти чулися голоси тих, кого розстрілювали та морили голодом. До нас долинали вигуки: «Да здравствует свобода! Долой рабство в нашей стране!» Вишикувавшись, гарнізон відкрив вогонь. Одразу загинуло 14 чоловік. І відразу усе начальство втекло за

межі зони. Десь через годину на кожному бараці я побачив чорний прапор із написом: «Граждане, нас расстреливают и морят голодом. Сообщайте Красному Кресту... З тюремного изолятора, разом з іншими, вийшли двічі Герой Радянського Союзу Воробйов і поет з Москви Шамаєв. А ще через день відбувся похорон тих, хто загинув. У центрі зони викопали велику братську могилу і з почестями, у супроводі табірної хоругви, поховали полеглих, насипали високу могилу. Неподдалік були заводи і робітники залазили на покрівлі цехів, щоб побачити, що у нас там робиться. Але НКВДисти зганяли їх із дахів, а деякого навіть заарештовували.

Події набирали широкого розголосу. Навколо табору поставили гучномовці, що закликали в'язнів до виходу за межі зони. Але ніхто не покидав табору, окрім декількох чоловік-сексотів, які вивідували необхідну для оперування інформацію.

Невдовзі приїхав з Москви представник Генеральної прокуратури. Трупи загиблих тоді було викопано із братської могили і покладено вздовж табірної дороги, а нас, каторжан, вишикувано. Коли прокурор з табірною охороною дійшли до розстріляних, хтось із в'язнів (не пам'ятаю прізвища) виступив про те, що ось у строю стоять 12 тисяч рабів, а мільйони їх сидять за колючим дротом від Москви до Владивостоку. І з великим заявив йому: «Можете нас розстрілювати, але нехай знає увесь світ «какая ваша свобода і за что наши отцы воєвали в 17-м году». Прокурор подивився тоді уважно ще раз на всіх нас і поїхав...

У таборі продовжувався неспокій - за декілька тижнів на дорозі до табору з'явилися машини із солдатами. На ближніх заводах припинили роботу. Нам виголосили наказ Булганіна про «пресечення дійствій мятежников, восстановление порядка в лагерях, не останавливаясь перед применением оружия». Ми оборонялися як могли, але солдати на машинах увірвалися в зону й відкрили вогонь. За кілька хвилин було вбито до 200 чоловік. Такі ж події відбувалися і в інших зонах. Проти нас застосовували великі гумові палиці, якими загнали людей у тундру, розділювали по сотнях і розвозили в інші табори та тюрми. Я і частина інших зеків потрапили під слідство. Нас вернули назад до табору, де ще залишилися сліди страшного побоїща, змусили зносити в одне місце тіла постріляних, відмивати

їх від крові. Потім полеглих помістили у мішки, повантажили у машини з брезентом та червоними прапорами, що означало небезпечний військовий вантаж. Поховали їх десь в тундрі. Але й там мертві в'язні не мали спокою. Їх тіла розгрібали та розтягували хижі звірі.

Проте повстання спалахнуло з новою силою. Цього разу до нас підключився шостий жіночий табір. Жінки також відбували каторгу по 15-20 років. Боротьба в'язнів за свої права розповсюдилася на всіх просторах від Воркута до Караганди, по всьому Сибіру. Комуністична влада придушити її силовими методами уже не могла. Настав час відлиги. Аби приховати і якимсь виправдати свої беззаконня охоронці імперії почали потроху звільняти з таборів. Нас - представників народів України, Прибалтійських республік, Кавказу - випускали на волю, сподіваючись на те, що ми вже ніколи не зможемо пригадати ні своєї мови, ні відновити силу духу. Вони були майже переконані, що зробили з нас яничарів без роду-племени, здатних хіба що пити самогон.

Після звільнення я, аби трохи заробити, ще два роки пропрацював у копальні-родовищі «Медвежий ручей». А потім поїхав до батьків в Нижнеудинск, де прожив із родиною ще 7 років. Там я одружився. І коли у 1966 році усіх звільняли із заслання, я поїхав на Україну. Поїхав сам, щоб десь знайти притулок для родини. Але мене ніде у п'яти областях Західної України не приймали, не приписували і наказували вийти за межі області протягом 24 годин. Подібне ставлення було у великих містах і портах.

Притулок я знайшов у Харцизьку Донецької області. Там дали мені кімнату у бараку. До мене приїхали батьки, моя дружина Євгена із доньками Наталочкою і Лесею. Влаштувались на роботу. Багато виселених українських родин тоді приїхало до Харцизьку. І мене знову стали викликати в органи. Перелякались, що ми тут усі з'їжджаємося для «організації Самостійної України». Та більшість людей уже не вірили у розповсюджені КДБ нісенітниці про бандерівців і воїнів УПА, розуміючи, що повертаються не бандити, а політв'язні, патріоти своєї України.

Нарешті прийшла Незалежність. Україна вийшла з комуністичного «раю» обкрадена, національно знищена і слабка духовно - з великою кількістю заморожених яничарів та колишніх комуністичних плугів. Вони ще й до сьогодні плачуть за цим режимом, під час якого більшість народу плакала і мовчала, бо боялась своєї тіні. Тоді було добре керувати державою: одні безпереймі бенкетували, мали спецлікарні, спецкранці, харчувалися ікрою і баліками, а мільйони українців працювали майже даром, умирали від різних хвороб та недоїдання на далеких півночах.

У Харцизьку я поховав тата і маму, віддав заміж доньок, вийшов на пенсію. Потім переїхав до Херсона, де до сьогодні мешкаю в однокімнатній квартирі із дружиною.

На закінчення ще раз бажаю бути усім чесними, вірно любити свою Україну, не розкрадати і не розтягувати її. Бо втрачимо волю. І знову будемо народжуватися в наймах, в наймах помирати. Нехай моє життя буде переконливим свідченням цьому.

Богдан ЯРЕМКО

«Доктрина Монро» в XXI веке

САМОМНЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ ОБЩЕИЗВЕСТНО. ОНИ ВПОЛНЕ ИСКРЕННЕ ВИДЯТ СЕБЯ «ИЗБРАННЫМ НАРОДОМ».

Знаменитый философ Алексис де Токвиль отмечал: «Жителям Соединенных Штатов на протяжении длительного времени постоянно говорили, что они — единственный религиозный, озаренный и свободный народ. У них громадное самомнение. Они недалеко от того, чтобы уверовать, будто являются видом, выходящим за рамки человеческой расы». Это было написано еще в 30-е годы XIX века, примерно в то время, когда пятый президент США Джеймс Монро сформулировал свою печально знаменитую доктрину (послание Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г.), названную его именем. С тех пор прошло почти два века. И уже в 70-е XX века известный американский социолог Роберт Беллах отметил: «С 1630 года не было ни одного поколения американцев, которое не было бы убеждено, что они, так или иначе, являются избранным народом».

Очевидно, именно это чувство «богоизбранности» подвигло американскую The Washington Times на редакционную (!) статью от 15 сентября «Чавес отпавился за ядерным оружием».

В материале комментируется недавнее заявление президента Венесуэлы Уго Чавеса о намерении его страны начать работу над ядерной программой. При этом, несмотря на то, что Чавес подчеркнул мирный характер программы, редакция The Washington Times заподозрила его в негуманных намерениях — мол, венесуэльский президент на самом деле хочет не мирный атом, а атомную бомбу. Причем военный характер будущей атомной программы Венесуэлы не вызывает никаких сомнений у редакции, никаких оговорок вроде «не исключено», «возможно» и т. д. Почему? А просто так. Вот нельзя Чавесу верить, и все тут!

Конечно, можно предположить, что это своего рода проявление фрейдизма, у нас еще это называют «каждый судит в меру своей испорченности». Мы же не забыли еще американские безапелляционные утверждения о «поставках украинских систем «Кольчуга» в Ирак» или не менее уверенные заявления об «иракском химическом оружии».

Самой собой, американским журналистам и в голову не пришло порассуждать на тему — почему США можно иметь ядерное оружие, а Венесуэле нельзя? Почему американский союзник Израиль может иметь ядерное оружие (что ни для кого не секрет), а Венесуэла или тот же Иран (о котором тоже говорится в статье) — нет. Не положено! Это США могут обладать ядерным оружием и помахивать военной дубинкой перед носом Каракаса и Тегерана, а если наоборот — то это уже неслыханное преступление перед родом человеческим.

Но Чавес виновен априори, даже если он тысячу раз продекларирует, что не собирается обзаводиться атомной бомбой! Самое главное его «преступление» — «no love for the United States» (цитата из статьи)! Не любит США! А, кроме того, напоминает The Washington Times, недавно Чавес позволил себе признать Южную Осетию и Абхазию!

Да еще и закупает оружие у России! Ну зачем, спрашивается, Чавесу оружие? Не для защиты же от миролюбивых США, трагически на военные программы столько же, сколько весь остальной мир вместе взятый!

Хотя авторы статьи и отмечают, что оружие оборонительного характера, но, уверены они, оно «легко может быть использовано и в наступательных целях». Очевидно, столь же «легко», как и «оборонительное» американское оружие (или американских союзников), поставленное режиму Саакашвили и использованное против спящего Цхинвала. Но, естественно, к антиамериканской Венесуэле не может быть применен тот же подход, который неизменно заявляется США и их сателлитами к проамериканской Грузии: страна не находится в режиме санкций, а оружие поставляется в соответствии с международным законодательством...

Ну, а в заключение материала The Washington Times вводит в оборот самый главный, не раз повторенный американцами на практике, аргумент: военную силу! А то, сетуют журналисты американского издания, «мировые подлецы» (ну, те самые, кото-

рые «по

love for the United States») совершенно распоясались и совсем «не боятся президента Обаму». А надо бы, чтоб боялись!

Отбросив прочь всякие рамки приличий, редакция The Washington Times потребовала от администрации Обамы «подтвердить доктрину Монро, которая запрещает вмешательство в дела Латинской Америки». Кому «запрещает»? Естественно, не Соединенным Штатам. Им можно и даже нужно вмешиваться в дела стран указанного региона! Причем, настаивают американские журналисты, администрация в Вашингтоне, должная, по их мнению, возродить действие доктрины Монро, обязана быть готова и к применению военной силы: «это положение (возобновление **modus operandi** (лат. - способ действий) на основе доктрины Монро — авт.) должно быть поддержано с вероятной угрозой действия», Обама, пишут они, «должен так или иначе установить, что он намерен использовать военную силу не только против сомалийских пиратов». Очевидно, Россия видится американцам «пиратом», действующим в Латинской Америке.

Весьма своеобразное «мышление XXI века» от редакции The Washington Times — на основе доктрины первой половины XIX века. Это к тому, что иные западные идеологи, скажем в контексте «расширения демократии» через расширение НАТО любят указывать России на ее «устаревшие типы мышления» времен «холодной войны». А тут — и вовсе доктрины времен примитивного империализма с претензией на «особые права» США в Западном полушарии.

Сергей ЛОЗУНЬКО

